

Мирослава Кузнецова

12+

Потому что ты ждешь меня...

Мирослава Кузнецова

Потому что ты ждешь меня...

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кузнецова М. В.

Потому что ты ждешь меня... / М. В. Кузнецова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Марина выросла в детском доме и не знала семьи. Закончив медицинский колледж, она работает в больнице. Бесконечные трудности иногда приводят ее к мысли, что жить незачем. На пешеходном переходе девушку сбивает автомобиль, и с тяжелыми травмами она попадает в больницу. Медики делают все, чтобы ее спасти, но между жизнью и смертью девушка получает возможность остаться в «другом» мире, где ей уже хорошо, или вернуться в земную жизнь. Марина делает выбор, почти не сомневаясь, хотя ее земной путь и не пройден до конца. Что же дальше? Оказывается, чувства сильнее смерти. И только любовь, большая, светлая, взаимная, расставит все по местам...

© Кузнецова М. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Чаепитие немного затянулось, и, взглянув на часы, я поняла, что опаздываю. Ещё немного, и мне не успеть на последний трамвай, а следующий будет только дежурный, через сорок пять минут. Если вообще будет.

– Елена Ивановна, мне пора, а то не успею на трамвай, – виновато улыбнулась я, – встречаемся послезавтра?

Елена Ивановна, заохав, подскочила на месте, засуетилась, собирая меня в дорогу, как она всегда это называла.

– Мариночка, забери пироги, на работе завтра доешь. И яблочки. Бери, бери, не стесняйся, – руки Елены Ивановны слегка дрожали, да оно и неудивительно, в её семьдесят девять лет. Она торопливо затолкала мне в пакет оставшиеся пироги, конфеты, и, несмотря на мои возражения, пристроила сверху пару огромных краснощёких яблок. Попрощавшись со своей любимой пациенткой, я выскочила за дверь и, не дожидаясь лифта, побежала вниз, неловко прижимая пакет к груди и стараясь не выронить яблоки.

На улице было темно и прохладно. Накапывал мелкий дождь, и я боялась, что мои совсем лёгкие мокасины намокнут. Конец сентября, как можно бегать в летней обуви? Вдруг заболею, а это недопустимо, ругала я себя. У меня много обязанностей в больнице, где я работаю медсестрой. Ночные дежурства, подработки, пациенты, которых я навещаю на дому. Конечно, я устаю. Так много работать мне приходится потому, что я одна-одинёшенька на белом свете. Я выросла в детском доме и никогда не знала семьи. Об этом понятии я много читала и ещё больше мечтала. Не сложилось... Хватит, тут же одёрнула я себя. Жаловаться и раскисать я себе не очень позволяла. Завтра у меня суточное дежурство в больнице, а сразу после него... Я не успела додумать мысль до конца – где-то вдалеке послышался звон приближавшегося трамвая.

Я прибавила ходу, невзирая на усиливающийся дождь и большие лужи, грязные брызги из которых несколько раз безжалостно окатили мои джинсы. Достать зонтик и спокойно идти к остановке сегодня не получилось, я слишком задержалась у Елены Ивановны. Подбегая к большому проспекту, я увидела, что трамвай ещё далеко, и торопиться было уже не нужно. А вот и "зебра". Взвизгнули тормоза, и меня ослепили фары – большие глаза страшного чудовища. Джип был огромен и нёсся на какой-то немыслимой скорости. Он появился неожиданно, когда я уже ступила на "зебру". Удар был очень сильный, меня просто подкинуло высоко в небо, и я увидела, как яблоки падают и разлетаются в разные стороны. Небо, земля и страшные фары смешались воедино, и наступила тьма.

Придя в себя, я постаралась понять, насколько всё плохо. К моему удивлению, плохо мне не было. Ничего не болело, и я, приподнявшись, осмотрелась, а затем встала.

– Рентген показал перелом черепа, сотрясение мозга, переломы обеих ног и множественные рваные раны, – я повернулась на голос и оторопела. На операционном столе лежала я! Точнее, это было моё тело, над которым колдовала бригада медиков. Подойдя поближе, я ужаснулась. Мерзавец, мысленно обратилась я к водителю "крутого" джипа, ты убил меня. За что? В

чём я виновата? Ты даже не остановился, когда сбил меня на пешеходном переходе. Ты просто поехал дальше, уверенный в своей безнаказанности.

То, что происходило со мной сейчас, было понятным, хотя и очень странным. Такие случаи часто показывали в фильмах, о чём-то подобном рассказывали люди, побывавшие в коме. И всё же мне не верилось, что это происходит со мной, вот прямо сейчас, в эту минуту. Я посмотрела на медиков. Операционная бригада мне понравилась. Хирург, анестезиолог, хирург-ординатор, две операционные сестры и ещё одна медсестра – все знали своё дело и работали качественно, спасая мне жизнь. Высоко в углу мониторы показывали число ударов моего сердца, ЭКГ и кровяное давление. Всё, что делали медики сейчас, было понятно. Год назад я закончила медицинский колледж с красным дипломом.

В операционной раздавались знакомые команды:

– Тампон...

– Пинцет...

– Отсосите кровь...

– Зажим...

– Очень много крови, – произнёс тревожно ординатор. Хирург кивнул и стал прижигать места кровотечений. Операция продолжалась. Я с интересом наблюдала за происходящим и почему-то совсем не боялась. Главный хирург – так я назвала симпатичного молодого человека, которого все звали Игорь Алексеевич, был великолепен в своей работе. Я любовалась им искренне и даже немного позавидовала медсёстрам, которые стояли совсем близко от него.

Рассматривая всё происходящее, я не сразу заметила, как приоткрылась дверь. В операционную вошёл кто-то ещё, встал рядом со мной, и я поняла – это Он. Сразу так поняла, потому что дела мои ухудшились. Медики отчаянно боролись за мою жизнь.

– Давление падает!

– Адреналин!

Хирург отдавал команды быстро, чётко и делал всё исключительно правильно. Я неплохо разбиралась в хирургии, так как страстно мечтала учиться в медицинском институте, мечтала помогать людям, спасать им жизни. С самого раннего детства. Но мне была не судьба стать хирургом. Приходилось много работать, чтобы хоть как-то себя обеспечить, а подрабатывать санитаркой я начала ещё на первом курсе мед.колледжа. Тут уж не до серьёзной учёбы в медицинском институте. И спасать доводилось бездомных собак и кошек, и то, чтобы они не умерли с голоду зимой.

– Ты хочешь вернуться? – услышала я, – думай быстрее, счёт пошёл на секунды.

Счёт действительно пошёл на секунды.

– Дефибриллятор!

Моё тело подпрыгнуло на столе, но прямая линия и противный писк монитора означали остановку сердца, и ситуация не менялась.

– Увеличить разряд!

Я посмотрела на Него.

– У тебя есть возможность вернуться к жизни, твой путь ещё не окончен. Но ты можешь остаться здесь и быть помощником. Выбирать тебе.

Говорят, что в особенные минуты вся жизнь человека проносится у него перед глазами. Быстро, за несколько секунд. Мне вспомнились моменты раннего детства – как мальчишки отнимали сладости, которыми изредка нас угощали в детдоме. Как мой белый бантик исписали фломастерами, и я ревела весь вечер, а пришедшая на работу ночной воспитатель вместо того, чтобы пожалеть меня и успокоить, оттяпала ножницами мою косичку. Правда, потом она долго оправдывалась и утверждала, что только так можно было прекратить истерику, иначе дело могло дойти до психиатра. В знак примирения она принесла мне большой пакет, полный шоколадных конфет. Это было целое богатство! Я могла жить, как королева, несколько дней – конфеты были нашей твёрдой валютой, которая никогда не дешевела. Как сигареты и спиртное в старших классах. Но я отнесла конфеты мальчикам. Тем самым, что постоянно отнимали у меня сладости.

Они сначала ничего не поняли, но я повторила:

– Возьмите. Мне не нужно.

Главным среди них был рыжий веснушчатый Колян, по прозвищу "Дым" – наверное, потому, что курить он начал с семи лет, был отчаянным драчуном и забиякой, но всегда горой стоял за справедливость в серьёзных вопросах.

– Чего тебе, малявка? Иди отсюда, пока не получила по шее. А косичка твоя где?

Впервые со слезами на глазах я коротко рассказала, где моя косичка.

– Вот сволочь, – монотонно произнёс Колян, подразумевая воспитательницу, так безжалостно расправившуюся с моими волосами, – ты иди к себе. И успокойся, не плачь. Нам конфет не надо, мы же мужики.

– Нам бы водочки или коньячку, сигарет, шампанского, – кривляние мальчишек сейчас не было издевательским, и я, не зная, что делать, продолжала стоять.

– Иди, – повторил Колян, – пацаны, а давайте...

Воспитательницу долго травили и изводили, пока она не догадалась уволиться от греха подальше. С тех пор Колян немного опекал меня, делая это незаметно, потому что такие вещи у нас нисколько не приветствовались. Каждый должен был доказать сам, чего он стоит на самом деле.

Всё, что проносилось сейчас у меня перед глазами, было постоянной битвой, в которой помощи практически не было. Я – никому не нужная детдомовка. Мало кто помогал мне, лишь в старших классах, когда к нам в детдом пришла Антонина Петровна, всё понемногу стало улучшаться. И уже никто не обзывал меня и ни разу не ударил из-за моей хорошей учёбы. Антонине Петровне было тяжело бороться с непрекращающейся бюрократией и ненужной демагогией чиновников. Боролась она, не опуская рук, и я всегда брала с неё пример. Но сейчас брать пример мне не хотелось ни с кого. То, что произошло недавно, заставило меня взглянуть на жизнь по-другому.

"Ты никому не нужна, поняла? И мне тоже! Дура девственная, корчит из себя недотрогу. Двадцать один год скоро, а у тебя мужика не было. Знаешь, почему? Потому что ты никому не нужна. Таких, как ты, отстреливать надо. Прямо в детдоме!"

Я нанесла ему сильный удар по лицу и еле успела увернуться от ответного. Спасаясь бегством, я впервые подумала, что не хочу жить. Почему он так со мной, рыдала я весь вечер и ещё несколько дней. Наверное, я сама была виновата во многом. Нельзя было доверять мало знакомому мужчине. Но он так ухаживал... Он просто вскружил мне голову. Мои немногочисленные подружки, жёстко битые жизнью, как и я, жутко мне завидовали. Ещё бы, встретить принца на белом коне! Я была счастлива и потихоньку готовилась к свадьбе. Ну, это я одна, конечно, готовилась, разглядывая подвенечные наряды и, особенно, фату. Она символ чистоты и невинности. Я мечтала, как её снимет с меня муж в первую брачную ночь...

Подружки называли меня наивной душой, иногда ещё похуже, убеждая, что принцев нет, а современным мужчинам начхать на символ невинности и вообще на невинность.

– Ладно, – согласилась я, – допустим. Но я всё равно не хочу становиться женщиной просто так. С кем попало.

Девчонок это раздражало, и, наконец, одна подружка сказала, что мне надо подороже продать свою девственность, а на вырученные деньги пригласить их всех в хороший ресторан или ночной клуб. Я шутку оценила.

Отношения с Андреем развивались стремительно, домой в мою крохотную хибарку он не напрашивался, но предложил поехать отдохнуть, а потом всё решать с нашими отношениями.

– Ты тогда познакомишь меня с родителями? – наивно спросила я, с трепетом ожидая ответ.

– Конечно, – уверенно ответил Андрей, нежно целуя и страстно прижимая меня к себе, – я просто с ума схожу по тебе. А эта твоя родинка... так и целовал бы её. Хочу, чтобы ты была рядом со мной всю жизнь!

Смущаясь, я дала согласие поехать с ним на турбазу в ближайшие выходные. Ведь только что он сделал мне предложение! Гроза разразилась в пятницу вечером, накануне поездки. Мои подружки принесли доказательства, что Андрей женат, а его супруга ждёт второго ребёнка. Беременность проходит тяжело, она лежит в отделении патологии не первый раз, интимные отношения с мужем категорически запрещены.

– Вот он и гуляет направо и налево, понимаешь? С женой нельзя, а он молодой, да и кобель, как все мужики, – вынесли вердикт девчонки, – да и плевать на него! Давайте вечером соберёмся, пива попьем.

Им было меня не понять. У меня только что разбилась жизнь, я столкнулась с ужасным предательством, и оно оказалось больнее всякой физической боли.

Я вспомнила, как в детстве мне не раз разбивали нос, как три девчонки в старших классах избили меня за то, что я сдала вовремя сочинение по литературе и наотрез отказалась делать это за них. Антонина Петровна долго пыталась меня, кто сотворил такое, но я твёрдо стояла на своём – упала с лестницы. Я просто упала с лестницы! Любая боль теперь казалась мне легче, чем предательство любимого человека. Но с ним оставался ещё один разговор, последний. Я хотела всё ему высказать! Назначив встречу в многолюдном месте – так было безопаснее, я обвинила его в обмане и предательстве. Андрей попытался было оправдаться, но, почувствовав, что это бесполезно, произнёс слова, которые просто убили меня. Рыдая в этот вечер, я остро, до физической боли, ощущала, как мне не хватает мамы. Мамоchка, где ты? Мне так плохо сейчас. О маме я мечтала всю свою жизнь. Я так хотела, чтобы она нашлась! Я не держала на неё зла. Я просто хотела, чтобы она была. Я любила её, несмотря ни на что. Она могла быть больна, и тогда я ухаживала бы за ней. Я делала бы для неё всё! Пролетающие мгновения воспоминания были очень тяжёлыми, и я всё время думала, что мне не хватает именно мамы. Она никогда бы не позволила распускать руки молодому учителю физкультуры, который однажды чуть не изнасиловал меня. Я сопротивлялась, как злобный маленький волчонок, а в отместку учитель подбросил мне свой кошелёк, который немедленно нашли две девочки – его любимицы. За крысятничество в любом обществе карают очень жестоко, и я, потрясённая несправедливостью, не знала, как быть. Как мне оправдаться? Впереди грозно маячило большое собрание, или расширенный педсовет, и я понимала, что мне готовят публичную казнь.

Физруку верили почти все и призывали меня покаяться и признаться. Тогда ещё меня смогут простить, а если нет, то придётся вызывать товарища капитана из ПДН – подразделения по делам несовершеннолетних. Они обязаны пресекать детскую преступность. Накануне собрания я попала в больницу. У меня поднялась температура, а всё тело покрылось ужасными красными пятнами. Казнь была отложена на неопределённое время. Я очень боялась и почти всё время плакала. Но всё закончилось благополучно. Меня навестил Колян с приятелями.

– Мы верим тебе, – заявили мальчишки, – не бойся.

Когда я вышла из больницы, то узнала, что учитель физкультуры заболел, и его пока не будет. Состоявшееся собрание оказалось вовсе не страшным. Новый директор детского дома сразу заявила, что верит мне и считает инцидент исчерпанным. Она лично занималась этим вопросом, провела собственное расследование и уверена, что кошелек был подброшен. Антонина Петровна поверила мне, а не учителю. Я понимала, что немалую роль в моём спасении сыграл Колян, но он убеждал меня в обратном.

– Это называется справедливость, – ухмыльнулся Колян, – она всегда торжествует, запомни.

Я запомнила, но, к сожалению, чаще всего сталкивалась с обратным явлением. Нет, ничего хорошего в моей жизни не было. Я и правда никому не нужна. А моя помощь людям слишком ничтожна, таких медсестёр сколько угодно. Вспоминать больше ничего не хотелось. Я повернулась к Нему:

– Не хочу возвращаться обратно.

Операция почти закончилась.

– Всё прошло хорошо, – заметил ординатор, – она выкарабкается.

В это время моё тело на столе судорожно задёргалось. Я хорошо знала, что будет дальше.

– Давление падает, – закричал анестезиолог.

– Переливайте кровь!

Я смотрела на монитор вместе со всеми. Несколько быстрых ударов сердца, и затем частые беспорядочные сокращения.

– Отсутствие сердцебиения.

– Асистолия. Ритма совсем нет!

Старания медиков закончились неудачно, что было неудивительно. Ведь жить я не хотела.

– Подожди меня, пожалуйста, – сказал Он, – я скоро вернусь. Можешь пока попрощаться...

Я не знала, хочу ли прощаться, да и странно как-то это выглядело. Но увидеть ещё раз хирурга по имени Игорь хотелось. Жаль только, что он никогда не узнает, что сумел спасти тяжёлого пациента. Я нашла Игоря на втором этаже. В конце коридора был выход на небольшой балкончик. Там Игорь курил сигарету за сигаретой и задумчиво смотрел вдаль. Симпатичная медсестра в коротком полупрозрачном халатике несколько раз выглядывала в приоткрытую дверь, но Игорь её не замечал. Я подошла к нему.

– Спасибо, Игорь, – тихо сказала я, – ты сделал всё, что мог. Это я виновата.

Мне захотелось обнять хирурга, в знак благодарности, но я не решилась. Я слишком мало знала о том мире, в котором находилась.

– Игорь, ты здесь? – мужской голос был хорошо мне знаком, и какую радость могла бы доставить эта встреча, будь я живой. Старший сын Антонины Петровны работал в первой городской больнице, и я поняла, где меня пытались спасти.

– Ничего не понимаю, – в голосе Игоря мне послышалась боль, – она не должна была уйти. Милая такая девушка. Наверное, счастливой могла быть, а я не сумел спасти. Лучше бы ты, Антон, оперировал.

– Ты же знаешь, у меня плановая была назначена, а затем консультации. Успокойся, пожалуйста. Ты всё делал правильно.

– Не понимаю, – повторил Игорь.

– Да что ты так убиваешься! – воскликнул Антон, – у всех умирают пациенты, это бывает в нашей работе. И не первая она у тебя. У каждого врача есть своё маленькое кладбище.

– Не первая, – согласился Игорь, – но чувство, как будто близкого человека потерял, понимаешь?

– Твою мать! – выругался Антон, – и у тебя тоже...

– Тоже, – отозвался грустно Игорь, – я слышал о таком и не верил, конечно. Мужики рассказывали, а я считал это ерундой. Как абсолютно незнакомый человек враз становится самым близким, самым нужным в жизни? Ты и голоса не слышал ни разу, не знаешь ничего о ней, а только вдруг чувствуешь предвкушение счастья. Всё шло хорошо, я цветы уже надумал, какие ей купить... да что цветы, честно, о кольце даже подумал.

– Ты неисправимый романтик, – присвистнул Антон, а я, замерев от неожиданности, всматривалась в лицо Игоря.

– Как я недоглядел? В чём ошибся? – повторил Игорь и отвернулся.

Молчание длилось целую вечность.

– Не знаю, что сказать тебе, – тихо произнёс Антон, – я тоже прошёл через это, правда, у меня не девушка была. Держись, брат. Держись.

– Так и стоит перед глазами её лицо. Милое, светлое, и эта родинка на левой щеке...

– Что? – вскрикнул Антон, – а как фамилия, имя девушки?

– Неизвестно. В сумочке не было никаких документов.

– Я должен её увидеть, срочно! – воскликнул Антон, – боюсь, что я её знаю. Вернее, знал...

Я не пошла за докторами. Неожиданно мне стало очень грустно. Сейчас в морге Антон меня опознает, и всем станет известно, что Чернояровой Марины больше нет. Долго ещё я бродила по бесконечным коридорам больницы, в душе была какая-то шемящая тоска. Нет, я не сомневалась, что сделала правильный выбор. Только мне пока неуютно и одиноко. Вот скоро придёт Малыш. Так я называла Его, с первой минуты встречи. Называла, естественно, про себя. Мало ли какие порядки в моём новом мире. На вид Он был как мальчишка лет восьми-деяти. Присмотревшись внимательнее, я заметила, что у Него взрослые, серьёзные глаза. И какой-то Он невесёлый, даже суровый. Одет в длинный чёрный плащ, а что под ним, я не видела. Устроившись в холле на подоконнике, я смотрела, что происходило сейчас в больнице. Вскоре мимо прошли Игорь и Антон. На последнем не было лица. Оно понятно, ведь мы знали друг друга очень давно, и отношения наши были тёплыми. Антонина Петровна часто приглашала меня в гости и не забывала делать это и тогда, когда я поступила учиться в колледж и жила отдельно. Правда, сначала я поселилась в старом общежитии, принадлежащем приборостроительному заводу, но жили там кто угодно, только не трудолюбивые заводчане. Все соседи постоянно пили спиртное, а крики, шум и музыка не смолкали ни днём, ни ночью. Вместе с Антониной Петровной мы обежали немало кабинетов, пока я не получила крохотную квартиру с балкончиком на последнем этаже. Любое отдельное жильё было для меня раем, и я очень радовалась новоселью в тихом, уютном дворике. Необходимую мебель и холодильник привезла Антонина Петровна, и я была ей благодарна бесконечно.

– Ты у нас девушка с квартирой, и жениха надо искать не абы какого, – улыбалась моя добрая наставница. Иногда она шутила, что её сын Антон так и не сыскал себе подходящей невесты...

Антонина Петровна и оба её сына стали для меня больше, чем друзья. Они были родными, любимыми людьми, но часто ходить к ним в гости я себе не позволяла. Когда-то я установила для себя строгое правило – не обременять собой окружающих, и считала это правильным. Наверное, мои любимые люди будут горевать, когда узнают, что меня больше нет в живых.

– Ну, как настроение? – спросил Малыш, – кстати, ты теперь Паня.

– Что? – возмутилась я, – какая ещё Паня?

– Тише, не надо кричать. У нас это не принято. Знаешь, это самое лучшее имя, какое я мог дать. Так звали мою бабушку, которую я очень любил. Она была для меня всем.

– Меня, вообще-то, Мариной зовут, – напомнила я. Он строго посмотрел на меня:

– Марины больше нет, она час назад умерла во время операции. Ты не Марина. Поэтому тебя теперь зовут Паня. А я твой куратор.

– Ты выглядишь, как ребёнок, – не удержалась я.

– А я и есть ребёнок, – согласился Он, – только у нас здесь возраста нет. И ты можешь называть меня Малыш, я не против.

Я смущённо промолчала. Он умеет читать мои мысли, получается?

– Только когда я совсем рядом, – Малыш впервые улыбнулся мне, – знаешь, Паня, а я рад, что ты осталась здесь. Ты хорошая. Добрая, светлая. Как моя бабушка. Она очень любила людей и помогала им, чем могла. А ты теперь будешь помогать здесь. Люди нас не видят, но помогать мы им можем. Я должен тебе рассказать о многом, но сейчас я занят. У меня ещё несколько встреч, а тебе, наверное, лучше побыть дома пару дней. Отдохнуть, подумать. Торопиться некуда. Я постараюсь вернуться побыстрее. Если вдруг что-то случится, зови меня сразу же. Я услышу.

Мы подошли к моему дому. Шли, вроде, не торопясь, так мне казалось, но преодолели расстояние раза в три быстрее. Я поняла, что удивляться мне придётся ещё не один раз.

– Если дверь не заперта, мы можем войти через неё. Можно через окно или форточку, ну, это когда у тебя будут крылья. Я уже сделал заказ для тебя. Крылья и одежда, короче, всё, что тебе понадобится. Скоро будут готовы.

– Зайдёшь ко мне? – вежливо спросила я, но Малыш отказался.

– В другой раз. Тебе лучше немного побыть одной.

– Я могу уже начать помогать? Кому, как? Не хочется сидеть сложа руки.

– Дети, старики, бездомные животные. Для начала хватит, – коротко ответил куратор и распрощался. Дверь в мою квартиру была заперта, и я поднялась на чердак. Долгое время там был мусор и всякий хлам, но при помощи дворовых мальчишек я всё убрала. Получилась миленькая комнатка с небольшим диваном, столом и старым шифоньером. Из обычных досок мальчишки сделали полки, на которые я поставила много книг. В непогоду ребяшня с удовольствием коротала время в нашей комнате, а я в свои редкие выходные старалась сделать её ещё уютней. Приносила печенье и конфеты, фрукты. Курение у нас строго запрещалось. Комнату мы запирали от бомжей, ключ был спрятан неподалёку. Я зашла в комнату, присела на диванчик и неожиданно для себя расплакалась. Я не жалела о том, что осталась в новом для меня мире. В нём, кроме Малыша, я никого не знала, но надеялась, что это вопрос времени. Мы – помощники, гордо сказал Малыш, и я не успела спросить, помощники кого? Чьи? Наверное, Ангелов. Неужели мне предстоит их увидеть? Я много думала, вспоминая все, что было мне известно на эту тему из фильмов и книг, и не заметила, как уснула. Малыш появился к вечеру. Я как раз недавно вернулась с прогулки, которую провела с большой пользой – скормила собакам и кошкам у мусорки весь запас продуктов. Еда мне была не нужна, как и вода. Нет, кушать и пить было можно, но Малыш сказал, что я сама не захочу ни того, ни другого. Так оно и вышло – любая еда напоминала дистиллированную воду, и я отказалась от мысли что-то съесть. Затем пришлось вернуться в больницу за ключами от квартиры. Ни Антон, ни Игорь мне не встретились, и я была рада этому.

– Освоилась немного? – ласково спросил Малыш, – тебе нужно получить одежду, обувь и крылья. Запоминай адрес, это недалеко отсюда. После восьми вечера тебя там будут ждать.

У меня было много других вопросов, но Малыш сказал, что сейчас он мне скажет какие-то важные сведения и ответит на некоторые вопросы. А вообще, я умная и о многом догадаюсь сама.

В течение получаса я узнавала о том мире, в котором теперь буду находиться. Все здесь – помощники. Это люди, которые не прошли свой жизненный путь до конца, причём многие из них далеко не с хорошей репутацией и поведением. Они работают, как и все остальные, иногда выполняют поручения куратора. Куратор бдительно следит за ними. Постепенно они становятся всё лучше. Некоторым хочется вернуться, но это не так просто. Мало кто смог это сделать.

– А почему им захотелось вернуться? – спросила я.

– Создались определённые обстоятельства. Но этого мало. Долго объяснять, Паня.

– Ты сказал, что они не вернулись, и они же не прошли свой жизненный путь до конца, – нерешительно сказала я.

– Однажды они уйдут навсегда, в другой мир. Недостающий свой жизненный путь они закончат здесь, только длиться это будет намного дольше. Должна остаться только любовь. Это самое главное чувство в любом мире. В любом, Паня. Но не у всех получается избавиться от него.

Я подумала, что Он говорит сейчас и обо мне. О любви, как о самом главном чувстве в любом мире, я догадалась, но от зла не могла избавиться. Например, водитель, сбивший меня на "зебре"? Как я могу простить такую сволочь?

– Паня, – ахнул Малыш, – нельзя так выражаться!

– Не буду, – присмирела я, – только, знаешь, мне очень обидно. Очень!

– Знаю, понимаю и не осуждаю. Давай сама, ладно? Потихоньку прощай всех обидчиков. Они будут наказаны. Поверь, я знаю, что говорю. Куратор немного может видеть будущее. Я знаю, что все твои обидчики будут наказаны. Некоторые уже...

Я молча смотрела на Малыша. Он задумчиво рассматривал меня, затем произнёс:

– Идём!

Мы быстро оказались на окраине города, где тянулись бесконечные гряды частного сектора. Навстречу нам подбегало огромное количество собак, как бездомных, так и с ошейниками, и мне очень хотелось их всех погладить и дать какой-нибудь еды. Малыш остановился у небольшого домика. Забор был низкий, и мы почти перешагнули через него. На привязи у крыльца сидела огромная собака, которая при виде нас заскулила.

– Голодный, братец, – мягко произнёс Малыш, доставая из кармана своего плаща бутерброд с колбасой. Пёс с радостью принял гостинец, а мы вошли в дом. Там дым стоял коромыслом, откуда-то доносились музыка, громкий мужской разговор и плач ребёнка.

– Да успокоишь ты его, или нет? – заорал гневно мужской голос, – не надо было рожать, если не соображаешь ничего в этом. Мать называется! С ребятами не даёшь переговорить, дура!

Из глубины дома что-то виновато говорила женщина. В зале за большим столом сидела компания полупьяных мужчин. Они выпивали, закусывали, курили, кто-то рассказывал анекдоты. Возглавлял пиршество мой бывший учитель физкультуры. Я, не останавливаясь, прошла в спальню. Малыш последовал за мной. Женщина, возившаяся с ребёнком, показалась мне знакомой. Она покачала коляску и на цыпочках направилась к мужчинам. От неё тоже сильно пахло спиртным. Я взяла ребёнка на руки. Он сразу успокоился и уснул.

– В наших руках дети всегда спокойны, – тихо сказал Малыш, – первое время я тоже много возился с маленькими, это всем очень нравится.

– Бедный ребёнок, – сказала я, – жить у таких родителей. Я узнала маму. Одна из любимых учениц физрука. У них были отношения, только на это все долго закрывали глаза. "Я сама видела, как Марина вынула кошелек и отнесла к себе в комнату. Мы ей так верили, а она..." – вспомнила я слова Верки Титовой. Она громче всех кричала, что я воровка, и требовала наказания. Положив мальчика в коляску, я вышла из комнаты. Малыш некоторое время разглядывал пьяную компанию, и выражение его лица мне было непонятным. За столом тем временем допили ещё одну бутылку водки и начали петь. Верка пела хорошо, это было у неё не отнять. Физрук обнимал её и что-то шептал на ухо, а она глупо хихикала и на время переставала петь.

– Точно, как мои родители, – брезгливо произнёс Малыш, когда мы вышли на улицу, – отец ещё деньги у бабушки отнимал, когда ей пенсию приносили. Делись, говорил. Паня плакала, а матери было всё равно. Ей всегда выпить хотелось.

– Ты так тяжело жил, – посочувствовала я, – это ужасно.

– В детдоме лучше, да? – я поняла, что Малышу не хочется продолжать эту тему.

Началась моя новая жизнь. Или нет, жизнь – это неправильно. Я находилась в другом мире, а в том, в прошлом, существовала невидимой. Сходяв по указанному адресу, я получила много одежды, обуви и, главное крылья. На птичьи они похожи не были, а на спине держались, словно приклеенные, и были немного самостоятельные. Они полностью будут защищать меня, не дадут замёрзнуть, с ними я смогу передвигаться намного быстрее. Но за ними нужен был особый уход, и я старательно запоминала все правила. Выдал мне всё это добро высокий молодой парень. Пожелав успеха в работе, он немного проводил меня вниз.

– Заходите, если что. Или вдруг крылья подремонттировать понадобится. Берегите их, от людей особенно.

– Спасибо, – тихо сказала я, – большое спасибо.

– Заходите и просто так, – улыбнулся парень, – грустно вдруг станет или ещё чего...

Парень мне очень понравился, и я спросила, как его зовут.

– Илья! – звонко ответил он, – а Вы Паня. Красивое имя. У Вас замечательный куратор. Он на хорошем счету, да и давно здесь. Я тоже давно, и, знаете, возвращаться мне совсем не хочется. Здесь хорошо, добро и любовь. А там в основном зло. И любви почти нет. Не переживайте, Паня. Вам здесь понравится.

Вот и ещё один хороший знакомый, в новом мире, думала я, возвращаясь к себе. Я знала, что долго находиться в своей бывшей квартире я не смогу. Там кто-то поселится. Малыш, наверное, подскажет мне, как быть.

Началось моё новое существование спокойно, хотя мне всё время хотелось что-то делать, быть нужной и полезной. Малыш появлялся неожиданно, на очень короткое время, быстро отвечал на пару моих вопросов и вновь исчезал.

– Некогда, Панечка, – говорил он чуть виновато, – у меня много новеньких, а за ними глаз да глаз нужен. А ты умница, сама справляешься.

Я очень быстро ко всему привыкла. Одежда и обувь отличались невесомостью и были очень качественными. Замёрзнуть или промокнуть невозможно, даже если бы очень захотелось. А крылья я полюбила и не представляла, как обходилась раньше без них. Мне было хорошо и спокойно. Обидеть меня никто не мог, как раньше, в той жизни.

"У меня пропало кольцо с сапфиром! Куда деться могло? Это Маринка, наверное, взяла, больше никому! Никогда такого раньше не было, до неё!" – выкрикивала старшая медсестра, сорокалетняя толстушка. Её недавно бросил муж, и она часто пребывала в состоянии злости, истерики и нервного срыва. А ещё, как я поняла, она ненавидела молоденьких симпатичных медсестёр, особенно тех, кто старательно работал и получал похвалу от высшего руководства. На беду, я попадала под эти критерии полностью.

"Ты будешь молчать! В нашем коллективе не принято выносить сор из избы. Я сама разберусь. А если пойдёшь к руководству, то очень пожалеешь, и тебе с нами не работать!" Я ответила, что работать в таких условиях сама не стану. Через пятнадцать минут я сидела в кабинете заведующего отделением и рассказывала ситуацию, оставив заявление на увольнение. Нарушений в работе мед.персонала всегда было много, но последнее дежурство выбило меня из колеи.

Все мои пациентки, в основном престарелые бабули, ойкали и жаловались на сильную боль во время уколов. Я вспомнила, как напарница Светка Китаева каждый раз просила:

– Мариночка, ну пожалуйста, иди ты к старухам придурочным. Терпеть не могу их.

Я не возражала. Да и бабульки всегда были рады моему приходу.

– Мариночка сегодня, слава Богу!

– Ох, дочка, болит очень...

Я разрывалась между просьбами и жалобами, помогая лежачим – тем, у кого было нечем платить санитаркам, чтобы они вовремя поднесли судно или отвезли больного в инвалидном кресле в комнату гигиены. Кресел на этаже было всего два, и каждый раз я с трудом отбирала одно из них для моих бабулек. Санитарки цепко держали их в своих руках, без конца катая платёжеспособную молодёжь в комнату для курения. Были и другие проблемы, и бороться с ними приходилось постоянно. Как на войне.

"Медсестра не должна этим заниматься... Отнимать хлеб у санитарок... Марина выслушивается..." То, что у многих больных не было лишних денег на санитарок, не волновало никого. Не понимая, почему обычные уколы антибиотиков причиняют страшную боль, я провела небольшое расследование и направилась к Светке. Та курила и хохотала в обществе двух практикантов. Время было позднее, дежурный врач и больные давно спали. "Скорая" пока никого не доставила, и все расслаблялись, как могли.

– Света, ты готовила шприцы для инъекций без обезболивающих?

– Ну да, – виновато забормотала она, – да ладно, потерпят. Старухи крепкие. Лидокаин кончился, а к Тамарке вверх идти неохота было.

Безответственность и наглость некоторых сотрудников поражала. В итоге я уволилась и ни разу не пожалела об этом. Несколько старушек после выписки стали моими пациентками на дому. Перейдя в детскую больницу, я успокоилась. Порядка там было намного больше, персонал ответственный и доброжелательный. Здесь мне никто не говорил, что я отнимаю у санитарок хлеб. Наоборот, санитарки радовались, что я всегда помогаю им ухаживать за детьми, которые лежали без мам, или за детдомовскими малышами. Я понимала их, как никто другой, и очень жалела. Собравшись с духом, я "навестила" своих бывших пациенток. Все бабули уже знали, что я умерла, а некоторые даже присутствовали на похоронах. Особенно жалела меня Елена Ивановна.

– Это от меня Мариночка поздно ушла, на трамвай торопилась, – всхлипывала она, – а там этот проклятый автомобиль... Вы не знали, девочки, Марину. Ангел, чисто Ангел небесный. Слова грубого не скажет. Ласковая, приветливая. Я после операции долго лежала, она за мной ухаживала. Денег ни копейки не брала! Сын мой из командировки вернулся, хотел заплатить, она отказалась. Тогда он старшей медсестре оставил подарки и деньги, как будто это премии от начальства.

Я грустно улынулась Елене Ивановне, которая приглашала сейчас двух своих приятельниц на сороковины. Бабушки договаривались о поминках, а я думала, что ни подарков, ни денег от старшей медсестры я не дождалась... Елена Ивановна нуждалась в регулярных курсах массажа, которые я приезжала ей делать, и отношения у нас были почти что родственные. Сейчас

я видела, как искренне горюет моя любимая пациентка, и впервые почувствовала угрызения совести. Я бросила больных, я думала только о себе, когда принимала самое сложное решение.

Почти то же самое произошло в квартире Антонины Петровны. Со слезами на глазах она твердила, что Марина не могла совершить суицид. Я обомлела, услышав такое. Какой ещё суицид?

– Так адвокаты строят защиту того, кто сбил тебя на "зебре", – сказал невесть откуда появившийся Малыш, – мне очень жаль, Пня. Это неправда, но виновника нашли, и у него два сильнейших адвоката. Один из Москвы.

– Бессовестные! – возмутилась я, – как они могут так лгать?

– Могут, – хмуро отозвался Малыш, – тебе уже всё равно. А человека спасти надо, так они рассуждают.

Вконец расстроенная, я вышла на улицу.

– Ну что ты так переживаешь, Пня, – Малыш слегка коснулся моей руки, – ты хорошая, добрая девочка. Такой ты была в той жизни, и осталась в памяти близких светлым человеком. Марину долго будут помнить.

Я согласилась с моим куратором, но чувствовала себя странно. Мне было немного не по себе.

– Пня, – сказал Малыш, – мне нравится, чем ты занималась в последнее время. Кормила бездомных животных. Помогала одиноким, утешая. Люди чувствуют нас. Больным становится легче. Успокаивала расстроенных. Следила за детишками на улице, в последнее время много несчастных случаев. Бабушки плохо выполняют свои обязанности. Мамы смотрят в телефоны, а не на своих детей. Я однажды видел, как парень катал коляску с младенцем, воткнув наушники в свои уши. Молодец – ты следила за детишками на детских площадках, помогала старым и больным ходить по улицам. Ты много успела сделать, я тобой доволен. Скоро, надеюсь, ты найдёшь главное своё занятие. Поймёшь, чем тебе лучше всего заниматься.

– А ты не подскажешь? – улыбнулась я, но мой куратор повторил, что нет. Не принято. А я хорошая ученица, и он надеется...

В день сороковин я твёрдо решила навестить кладбище. Я ни разу не была на своей могиле, точнее, на могиле Марины. В этих понятиях я всё ещё путалась, хотя Пня была мне намного ближе. От неё было больше толку, и жилось ей хорошо. Она могла считать себя счастливой. В некоторых вопросах я всё ещё мыслила земными мерками, но Малыш сказал, что это нормально. Это пройдёт позже. Главное, это мне не мешает, и я не разочарована ни в чём. Мой куратор мог быть абсолютно спокойным! Мне очень хорошо. Я никогда не пожалею, что ушла! В этом я была уверена на все сто процентов!

На кладбище я попала почти в обед и удивилась, какая чистенькая и ухоженная могила. Моя или Марины? Да какая теперь разница, подумала я, рассматривая живые цветы. Их было

много, и меня это порадовало. Не забыли меня, значит. Фотография была тоже красивой, на ней я получаю диплом в мед.колледже. Диплом с отличием, и мне ещё не забылось, как радовались Антонина Петровна и её оба сына. "Ты такая красивая сегодня, – улыбался Антон, – все парни твои будут!" Вспоминать выпускной бал было приятно. Я устроилась на маленькой скамеечке возле могилы и задумалась. Воспоминания теснились, овладевая мной всё больше, и я не сразу заметила, как к могиле подошёл мужчина. С удивлением я смотрела, как он кладёт на холмик большой букет белых роз. Игорь! Хирург из первой гор.больницы, который спас мне жизнь, только он не знает об этом. Для него я умерла. У него на столе во время операции. Игорь тяжело вздохнул и присел со мной рядом. Мне показалось, что я чувствую его тепло. Осторожно рассматривая неожиданного посетителя, я убедилась, что он хорошо выглядит, да и одет очень модно. В сторону таких красавцев при жизни я даже боялась посмотреть, а сейчас я могла рассматривать его сколько угодно. Наверное, Игорь тоже что-то почувствовал, потому что несколько раз осмотрелся. Сейчас он стоял у оградки, положив на неё руки, и я рассматривала его длинные тонкие пальцы. Неосознанным движением я накрыла его руку своей ладонью и тихо сказала:

– Спасибо тебе, Игорь. Ты настоящий волшебник, ты замечательный хирург. Это я виновата, потому что ушла по собственной воле, и, наверное, подпортила тебе статистику. Прости меня, пожалуйста...

– Прости меня, девочка, – эхом отозвался Игорь, – у тебя скоро день рождения. Тебе могло быть двадцать один...

Круто повернувшись, Игорь пошёл по аллейке. Я грустно смотрела ему вслед, понимая, что он хирург и просто чувствует свою вину. Интересно, а к другим умершим пациентам он тоже ходит на могилы? От раздумий меня отвлек звонок его мобильного телефона.

– Да, скоро буду, – произнёс он торопливо, – не обижайся, Алиночка. Срочные дела...

Я быстро пошла в обратную сторону. Нечего подслушивать чужие разговоры, сердито сказала я себе. Иди, Паня, занимайся делом. И думай, как именно принести максимальную пользу здесь; и нечего смотреть на земную жизнь, ты ушла оттуда по своей воле. Твоё место теперь совсем в другом мире.

Я работала непрерывно несколько часов. На улице резко похолодало, небо потемнело и спустилось пониже. Прохожих было мало, но я находила и находила себе дела, желая отвлечься от встречи на кладбище. Чем-то она меня смутила, эта встреча, но чем? Уже смеркалось, когда я решила всё-таки зайти к моим дорогим людям. Побывать у них хотя бы немного. У Елены Ивановны было уже тихо, а сама она дремала у телевизора. Я немного посидела у её постели. Вскоре она проснулась.

– Елена Ивановна, дорогая, не плачьте и не переживайте, – как можно более убедительно произнесла я, – у меня всё хорошо. Я приношу намного больше пользы, чем раньше. Это, знаете, такое счастье, когда ты нужен кому-то... такое счастье...

Елена Ивановна, естественно, ничего не отвечала. Я ещё немного поговорила с ней и распрощалась, обещая забегать при первой возможности. Теперь к Антонине Петровне, сказала я себе с радостью. Путь был неблизкий, но при помощи крыльев я очень быстро очутилась в нужном месте. Из квартиры как раз выходили люди, соседи, наверное, подумала я. Они были одеты слишком легко.

– Спасибо, что пришли, помянули мою воспитанницу, – говорила Антонина Петровна, прощаясь, – спасибо большое...

В зале за столом сидел Антон. Он держал на коленях ноутбук, и я увидела, что он с кем-то переписывается. Мне стало хорошо, как всегда в этом доме, когда я была ещё жива...

– Проходи, проходи, давно тебя ждём, – слышался голос Антонины Петровны. Я с любопытством посмотрела в прихожую.

– Привет! – в зал вошёл Игорь. Я подскочила на кресле, в котором только что уютно устроилась, – извините, никак раньше не получалось. На кладбище ездил.

– Понятно, – протянул Антон, пожимая руку Игорю, – не извиняйся. Тебе рады в этом доме в любое время.

Мне тоже так всегда говорили, думала я. Теперь я знала, что Игорь и Антон давние друзья, но почему же я ни разу не видела Игоря раньше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.